B
P724e

БИБЛІОТЕКА ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ
№ 4-5. СЕРІЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ. № 4-5.

А. ЕЛЬНИЦКІЙ.

Георгій Валентиновичъ Плехановъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Съ именемъ Георгія Валентиновича Плеханова тѣсно связана вся исторія возникновенія и развитія Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи. Онъ былъ однимъ изъ основателей и главнымъ теоретикомъ первой въ Россіи соціалъ-демократической группы — „Группы Освобожденія Труда", которая поставила главной задачей своей дѣятельности съ одной стороны безпощадную критику утопическихъ теорій народничества, господствовавшихъ въ то время среди нашей революціонной интеллигенціи, а съ другой стороны — пропаганду основныхъ положеній научнаго соціализма и примѣненіе этихъ положеній къ конкретнымъ условіямъ русской жизни. Эта задача была выполнена „Группой" блестяще, причемъ главная заслуга принадлежитъ Г. В. Плеханову.

Его перу принадлежитъ: „Соціализмъ и политическая борьба и „Наши разногласія", послужившія прочнымъ основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ соціалъ-демократической пропаганды въ Россіи.

Затѣмъ, какъ только соціалъ-демократическія идеи стали пускать первые ростки на русской почвѣ, онъ помогаетъ возникшимъ кружкамъ, сотрудничая въ издававшейся въ С.-Петербургѣ газетѣ „Рабочій", отзываясь на всѣ крупные факты русской жизни и содѣйствуя выясненію и правильной разработкѣ очередныхъ задачъ народившагося рабочаго движенія.

При его близкомъ участіи издается „Библіотека научнаго соціализма“, сборникъ и журналъ „Соціалъ-демократъ“, позднѣе „Работникъ“, „Листки Работника“, и, наконецъ, „Искра“ и „Заря“. Вмѣстѣ съ другими членами редакціи „Искры“ и „Зари“ онъ принимаетъ участіе въ выработкѣ и обоснованіи проекта партійной программы, которая впослѣдствіи, съ незначительными измѣненіями, была принята II съѣздомъ партіи. Наконецъ, въ 1903 г. онъ становится по волѣ съѣзда редакторомъ „Центральнаго Органа“ Р. С.-Д. Р. П. и членомъ Совѣта Цартіи.

Но дѣятельность Г. В. Плеханова не ограничивалась одной Россіей. Начиная съ 1891 г., когда въ нѣмецкомъ соціалъ-демократическомъ журналѣ „Neue Zeit“ („Новое Время“) появилась первая его статья „Къ шестидесятилѣтію смерти Гегеля“, онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ работѣ западно-европейской революціонной мысли, ставящей себѣ цѣлью обосновку и дальнѣйшее развитіе идей научнаго соціализма.

Благодаря своимъ трудамъ („Анархизмъ и соціализмъ“, „Этюды изъ теоріи матеріализма“, статьи противъ Бернштейна и др.), ему удалось очень скоро занять мѣсто одного изъ наиболѣе выдающихся теоретиковъ международной соціалъ-демократіи.

Занять такое почетное положеніе въ рядахъ международной арміи борьбы за освобожденіе труда Г. В. Плеханову помогло правильно понятое матеріалистическое объясненіе исторіи и усвоенный имъ въ совершенствѣ діалектическій методъ изслѣдованія, составляющій душу марксизма.

Самъ Плехановъ всегда сознавалъ всю важность усвоенія именно „метода“ марксизма, который помогаетъ понять общій историческій смыслъ обстоятельствъ, а не голыхъ выводовъ, и усердно пропагандировалъ эту идею, начиная съ первыхъ своихъ произведеній.

„Мы только указываемъ нашимъ товарищамъ на-

правленіе, въ которомъ нужно искать рѣшенія интересныхъ имъ революціонныхъ вопросовъ; мы только отстаиваемый вѣрный и безошибочный критерій, съ помощью котораго они смогутъ, наконецъ, сорвать съ себя лохмотья революціонной метафизки, почти безраздѣльно господствовавшей до сихъ поръ надъ нашими умами"... [1]).

...„мы указываемъ нашей соціалистической молодежи на марксизмъ, эту алгебру революціи... эту „программу", научающую своихъ приверженцевъ пользоваться каждымъ шагомъ общественнаго развитія въ интересахъ революціоннаго воспитанія рабочаго класса. И я увѣренъ, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочіе кружки усвоятъ эту единственно революціонную программу" [2]).

Этой увѣренности суждено было стать пророческимъ предсказаніемъ, подобно многимъ другимъ выводамъ автора „Соціализмъ и политическая борьба" и „Наши разногласія", такъ какъ весь послѣдующій ходъ экономическаго развитія нашей родины, какъ нельзя лучше, подтвердилъ все то, что было сказано Плехановымъ объ этомъ предметѣ въ упомянутыхъ сочиненіяхъ.

Но прежде, чѣмъ собственными глазами убѣдиться въ осуществленіи своихъ надеждъ, Г. В. Плеханову пришлось перенести не мало нападокъ и самыхъ черныхъ обвиненій, преимущественно со стороны народовольцевъ. Его упрекали въ томъ, что онъ своей критикой подрываетъ авторитетъ „Народной Воли", играетъ въ руку царизму...

„Одинъ изъ „народовольцевъ",—вспоминаетъ Плехановъ, въ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій,—признался мнѣ, года три спустя послѣ выхода моей книги („Наши разногласія"), что, прочитавъ ее, онъ принялъ меня за человѣка, продавшагося царскому правительству.

---

[1]) Собраніе сочин. Г. В. Плеханова. Женева, 1905 г., стр. 233.

[2]) Тамъ же, стр. 232.

Ему надо было лично познакомиться со мной, чтобы убѣдиться въ неосновательности своего предположенія“ [1]).

Но съ тѣмъ большимъ единодушіемъ его заслуги становятся общепризнанными въ послѣднее время.

Въ 1901 году исполнилось 25-тилѣтіе выступленія Г. В. Плеханова на широкое общественное поприще, совпавшее съ 25-тилѣтіемъ первой въ Россіи соціально-революціонной демонстраціи, устроенной въ С.-Петербургѣ на Казанской площади землевольцами.

По иниціативѣ лицъ, сочувствовавшихъ „Лигѣ Революціонной соціалъ-демократіи“, въ заграничныхъ колоніяхъ были устроены по этому поводу празднества, и на нихъ многіе изъ ораторовъ довольно подробно останавливались на выясненіи огромнаго вліянія на развитіе соціалъ-демократическаго міровоззрѣнія и революціонной борьбы рабочаго класса не только у насъ въ Россіи, но и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ, какое оказалъ и продолжаетъ оказывать Плехановъ.

Одинъ изъ ораторовъ, болгаринъ, указавъ на громадное значеніе, какое имѣли сочиненія Плеханова на умственное развитіе передовой интеллигенціи его родины, сравнилъ его роль въ этомъ отношеніи съ ролью наиболѣе выдающихся болгарскихъ дѣятелей.

Г. В. Плехановъ родился въ 1857 г. въ Тамбовской губерніи. Окончивъ юнкерское училище, онъ поступилъ студентомъ въ Горный институтъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ очень скоро столкнулся съ бунтарями-народниками и въ ихъ рядахъ началъ свою революціонную дѣятельность.

Какъ и всѣ народники того времени, онъ собирался „итти въ народъ“, хотя и имѣлъ объ этомъ народѣ самыя смутныя и неопредѣленныя понятія. Любя народъ, онъ зналъ его очень мало, хотя и выросъ въ деревнѣ.

Скоро ему пришлось столкнуться съ представителями этого народа въ лицѣ спропагандированныхъ уже петер-

---

[1]) Собр. соч. Г. В. Плеханова. Женева, 1905 г., стр. XV.

бургскихъ рабочихъ. Съ смѣшаннымъ чувствомъ жалости и какой то неловкости подходилъ онъ къ первому своему знакомцу изъ рабочихъ, Митрофанову, когда-то извѣстному въ революціонной средѣ.

„Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но въ то же время, я рѣшительно не зналъ, какъ и въ какихъ выраженіяхъ стану съ нимъ разговаривать. Мнѣ казалось, что языкъ нашего брата, студента, будетъ совершенно непонятенъ этому „сыну народа“ и что въ разговорѣ съ нимъ я долженъ держаться того нелѣпаго, переряженнаго слога, которымъ были написаны многія изъ нашихъ революціонныхъ брошюръ“ [1]).

Но, познакомившись ближе сперва съ Митрофановымъ, а потомъ и съ другими петербургскими рабочими, Плехановъ долженъ былъ убѣдиться, что дѣйствительность совершенно не соотвѣтствуетъ его сантиментальнымъ представленіямъ о народѣ.

Его знакомые, самымъ несомнѣннымъ образомъ принадлежавшіе къ народу, оказались сравнительно очень развитыми людьми, съ которыми можно было говорить просто и такъ-же искренно, какъ со своими знакомыми студентами. Большинство изъ нихъ любили читать и проводили за книгой все свободное время; они были хорошо знакомы не только съ революціонными брошюрами, но и съ сочиненіями Бакунина, Чернышевскаго, читали „Впередъ“, кое-какъ разбирались въ запутанныхъ вопросахъ тогдашней революціонной практики и умѣли отстаивать и защищать свои собственные выводы передъ бунтарями-интеллигентами.

На одномъ изъ собраній бунтарей, происходившемъ въ началѣ 1876 г., какъ разъ на квартирѣ Плеханова, рабочіе особенно энергично отстаивали необходимость пропагандистскихъ кружковъ.

---

[1]) „Русскій рабочій въ револ. движ.“, стр. 1.

„Каждаго изъ васъ,—съ жаромъ возражалъ бунтарямъ-интеллигентамъ на этомъ собраніи рабочій В.,—въ пяти школахъ учили, въ семи водахъ мыли, а вѣдь иной рабочій не знаетъ, какъ отворяется дверь школы. Вамъ не нужно больше учиться; вы и такъ много знаете, а рабочимъ безъ этого нельзя! [1]).

Плехановъ довольно скоро сошелся со своими новыми знакомыми, а затѣмъ и самъ принялъ участіе въ ихъ работѣ, отдавшись цѣликомъ дѣлу пропаганды среди рабочихъ.

Его выступленіе на путь революціонной дѣятельности какъ разъ совпало съ моментомъ перелома въ дѣятельности тогдашнихъ бунтарей. Пропагандисты, ушедшіе въ деревню, чтобы поднимать народъ, были разгромлены еще въ 1874 году и теперь тысячами заполняли тюрьмы; происходили одинъ за другимъ процессы отдѣльныхъ кружковъ пропагандистовъ, а впереди предстоялъ грандіозный „процессъ 193-хъ“.

Прежнее массовое движеніе бунтарей въ деревню было подорвано въ корнѣ; въ отдѣльныхъ мѣстахъ, правда, революціонеры и теперь продолжали еще устраивать поселенія и вели болѣе или менѣе успѣшно пропаганду, но не было уже прежней вѣры въ это дѣло и и не чувствовалось прежняго беззавѣтнаго увлеченія этимъ движеніемъ.

Остатки разбитыхъ кружковъ, собравшись въ крупныхъ городскихъ центрахъ, спѣшили пополнить свои ряды лучшими элементами учащейся молодежи, которую неудержимо толкало на путь борьбы непрекращающееся политическое недовольство, чтобы, оправившись отъ понесенныхъ жестокихъ ударовъ, готовиться къ новому походу.

Но теперь, отчасти опытъ послѣднихъ лѣтъ, отчасти же сила событій заставляли революціонеровъ избрать

---

[1]) „Соціалъ-Демократъ“, № 3. „Русск. раб. въ рев. дв.“, стр. 8.

главной ареной своихъ дѣйствій вмѣсто деревни городъ. Здѣсь же и произошла первая попытка примѣненія новой бунтарской тактики, разсчитанной на революціонное воспитаніе народныхъ массъ при помощи всякаго рода открытыхъ протестовъ. Особенно сильно ухватились за эту идею бунтари-рабочіе, которые инстинктивно сознавали всю важность такой тактики для пробужденія широкихъ рабочихъ массъ. Зимой 1876 года петербургскіе рабочіе кружки стали стремиться выйти изъ тѣсныхъ рамокъ подпольной кружковщины, чтобы своимъ открытымъ выступленіемъ сообщить сильный толчекъ дальнѣйшему развитію соціалистической пропаганды.

Какъ ни противились этому плану бунтари-интеллигенты, которые все еще продолжали считать безцѣльной такую трату своихъ силъ для работы въ городѣ, но рабочіе все-таки сумѣли настоять на своемъ, и было рѣшено устроить 6 декабря демонстрацію на площади передъ Казанскимъ соборомъ.

И вотъ на площади соборной
Въ столицѣ русскаго царя
„Земли и Воли“ флагъ народный
Взвился шестого декабря.

Демонстрація вышла менѣе внушительная, чѣмъ ожидали ея устроители: рабочихъ явилось значительно меньше, чѣмъ предполагали, но зато много пришло учащейся молодежи. Однимъ изъ рабочихъ было развернуто красное знамя; Г. В. Плехановъ произнесъ горячую рѣчь, въ которой заклеймилъ русское правительство, давящее все живое и вырывающее изъ рядовъ русскаго народа лучшія его силы, чтобы бросить ихъ въ казематы или отправить въ Сибирь.

Послѣ этого тотчасъ же произошло нападеніе полиціи на безоружную толпу, схватка демонстрантовъ съ ней, а затѣмъ послѣдовали и аресты. Плеханову уда-

лось благополучно избѣжать ареста, благодаря предупредительной заботливости о немъ стараго знакомца, рабочаго Митрофанова. Какъ только онъ закончилъ рѣчь, Митрофановъ быстро сдернулъ съ него шапку, замѣнивъ ее какой то фуражкой и закутавъ голову башлыкомъ.

Вообще изъ видныхъ землевольцевъ, принимавшихъ участіе въ этой демонстраціи, не пострадалъ никто, но тѣмъ болѣе сурово постаралось правительство расправиться съ тѣми, кто попалъ ему въ лапы. Пятеро изъ арестованныхъ на демонстраціи: Гервасій, Боголюбовъ, Бочаровъ, Чернявскій и Бибергаль были приговорены къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ, а 10 другихъ—къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь.

Но, несмотря на то, что Плеханову удалось счастливо избѣжать опасности, онъ все-таки вскорѣ долженъ былъ перейти на нелегальное положеніе, чтобы продолжать работать.

Вскорѣ онъ занялъ выдающееся положеніе въ организаціи „Земли и Воли“, какъ одинъ изъ лучшихъ пропагандистовъ, а когда эта организація стала издавать свой органъ, онъ былъ выбранъ однимъ изъ редакторовъ и дѣятельно въ немъ сотрудничалъ. Его перу принадлежитъ рядъ корреспонденцій, а въ №№ 3 и 4 „Земли и Воли“ были помѣщены двѣ его статьи подъ заглавіемъ: „Законъ экономическаго развитія и задачи соціализма въ Россіи“, въ которыхъ онъ излагаетъ программу партіи, до того времени существовавшую лишь въ устной формулировкѣ.

По дѣламъ „Земли и Воли“ Плеханову въ это время часто приходилось покидать Петербургъ и отрываться отъ пропагандистской и агитаціонной дѣятельности въ рабочей средѣ. Но и тамъ, гдѣ ему приходилось за это время бывать: въ Ростовѣ, Саратовѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, онъ не упускалъ случая знакомиться съ существовавшими тамъ рабочими кружками и ихъ дѣятельностью.

Зиму 1878 и 1879 г.г. обстоятельства заставили его пробыть въ Петербургѣ. Все это время Плехановъ посвятилъ усиленной агитаціи въ рабочей средѣ, а когда начались на разныхъ фабрикахъ стачки, онъ принялъ въ нихъ самое дѣятельное участіе.

Волненія рабочихъ начались почти одновременно на многихъ фабрикахъ: на Новой Бумагопрядильнѣ, у Кенига, на фортепіанной фабрикѣ Беккера, на табачныхъ фабрикахъ Мирчи и Шапшала, на фабрикѣ Шау и др. Особенно длительными и упорными были стачки рабочихъ на Новой Бумагопрядильнѣ и у Шау, гдѣ какъ разъ у землевольцевъ было много прочныхъ связей среди рабочихъ. Организаторомъ на первой изъ этихъ фабрикъ былъ нелегальный унтеръ-офицеръ Гоббстъ, который поселился вблизи фабрики и содержалъ конспиративную квартиру землевольцевъ.

Плехановъ вмѣстѣ съ другими землевольцами, агитировавшими тогда среди рабочихъ, часто посѣщалъ квартиру Гоббста, на которой происходили ихъ собранія, встрѣчи съ рабочими, вырабатывались требованія, распредѣлялись денежныя пособія и т. п.

Сначала работа шла дружно и безъ помѣхъ, но скоро полиція почувствовала присутствіе среди рабочихъ „крамолы“ и начала дѣятельно ее выслѣживать. Вокругъ забастовавшей фабрики появились въ огромномъ числѣ агенты III-го отдѣленія—фискалы, какъ ихъ звали тогда рабочіе, стали шнырять по всѣмъ направленіямъ полицейскіе въ формѣ и безъ формы, а потомъ начались и систематическія облавы. Въ числѣ другихъ землевольцевъ былъ арестованъ и Плехановъ, но нелегальный паспортъ, по которому онъ въ это время жилъ въ Петербургѣ, въ глазахъ полиціи былъ совершенно чистъ, и его, продержавъ подъ арестомъ одинъ день, выпустили на свободу, обязавъ лишь подпиской о невыѣздѣ изъ Петербурга.

Непосредственное участіе Плеханова въ Петербургскомъ рабочемъ движеніи, богатый собственный опытъ

и знакомство съ работой во многихъ другихъ городахъ дали ему возможность, подводя итоги опыту пропаганды въ рабочихъ кружкахъ, указать въ № 4 „Земли и Воли“ на существенные недостатки въ постановкѣ этой работы.

Указавъ въ своей статьѣ на довольно быструю, сравнительно съ деревней, воспріимчивость городскихъ рабочихъ къ идеямъ соціализма, онъ подчеркиваетъ всю непрактичность прежнихъ пріемовъ работы, когда главное вниманіе удѣлялось пропагандистскимъ кружкамъ самообразованія, на которыхъ читались лекціи „о каменномъ вѣкѣ и планетахъ небесныхъ“, но почти совершенно не удѣлялось вниманія вопросамъ массовой агитаціи.

Благодаря этому „спропагандированные“ рабочіе оказывались оторванными отъ массы; остальные рабочіе относились къ нимъ, какъ къ чему-то чужому, очень часто насмѣшливо. Рабочая масса почти сразу окрестила ихъ именемъ „студентовъ“, подчеркивая тѣмъ ихъ отчужденность.

„ . . . Ставя своей цѣлью,—говоритъ Плехановъ въ этой статьѣ,—пропаганду, развитіе и образованіе себя самихъ и всего рабочаго сословія, соціалисты этимъ самымъ выходили изъ сферы тѣхъ интересовъ, которыми живетъ масса, которые ей наиболѣе близки и дороги. Масса существенно, кровно заинтересована прибавкой или уменьшеніемъ заработной платы, большей или меньшей прижимкой хозяевъ и мастеровъ, большей или меньшей свирѣпостью городового. А соціалисты разводятъ передъ нею разныя теоріи, призываютъ ее къ развитію, къ образованію и тому подобнымъ вещамъ...“ [1]).

Мудрено ли, что масса оставалась глуха къ пропагандѣ соціалистовъ, не видя въ нихъ для себя никакой пользы, ни даже желанія быть полезными, а рабо-

---

[1]) Собр. соч. Плеханова, стр. 30.

чіе-соціалисты оказывались совершенно неспособными взять на себя руководящую роль въ ея выступленіяхъ.

Причину такого ненормальнаго положенія дѣлъ, Плехановъ видѣлъ въ ложной постановкѣ городского вопроса у землевольцевъ, которые, направляя до того времени всѣ свои усилія на деревенскую массу, городскимъ рабочимъ отводили въ своихъ расчетахъ второстепенное мѣсто.

Возставая противъ такого отношенія къ городскому пролетаріату, Плехановъ, исходя даже изъ основныхъ положеній народничества, указывалъ на крупную роль, которую суждено пролетаріату сыграть въ будущемъ соціальномъ переворотѣ.

Онъ совѣтовалъ поэтому землевольцамъ, вмѣсто привлеченія отдѣльныхъ личностей, перейти къ агитаціи въ массѣ, принять непосредственное участіе въ ея жизни и ея борьбѣ, обобщать ея рѣшенія и направлять частичныя проявленія ея недовольства въ одно общее русло. Какъ ближайшую практическую задачу Плехановъ рекомендовалъ своимъ товарищамъ агитацію на экономической почвѣ, главнымъ образомъ, во время стачекъ.

Убѣдить въ этомъ землевольцевъ ему было не особенно трудно, такъ какъ вся предыдущая дѣятельность ихъ среди крестьянъ ясно показала, что пріобрѣсти вліяніе на массу можно только посредствомъ агитаціи на почвѣ ея ближайшихъ и преимущественно экономическихъ требованій.

Плехановъ указывалъ также на необходимость для успѣха дѣла создать прочную организацію среди рабочихъ, объединивъ ею всѣ разрозненные до того времени кружки. Оцѣнивая всѣ эти выводы, къ которымъ приходилъ Плехановъ въ своей статьѣ, не надо забывать, что въ то время онъ продолжалъ всецѣло оставаться сторонникомъ народнической программы.

Отдавая много времени и силъ агитаціи среди петербургскихъ рабочихъ, Плехановъ не упускаетъ случая

воздѣйствовать и на другіе слои населенія. Такъ, лѣтомъ 1878 г. онъ отправляется на Донъ, чтобы завязать связи съ донскими казаками, среди которыхъ только что начались волненія по случаю введенія у нихъ земства. Это земство, по сравненію съ бывшимъ у нихъ до того самоуправленіемъ, было огромнымъ шагомъ назадъ и внушало донцамъ, которые успѣли привыкнуть къ своимъ вольностямъ, справедливыя опасенія.

Плехановъ былъ однимъ изъ первыхъ попавшихъ туда землевольцевъ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ и убѣдившись, что оно благопріятно для агитаціи, онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ въ Петербургъ, вызывая къ себѣ на помощь Александра Михайлова, а самъ вмѣстѣ съ другими землевольцами и „спропагандированными“ казаками принялся за составленіе „Воззванія къ славному войску донскому“.

Такъ какъ тайная типографія землевольцевъ находилась въ Петербургѣ, а отпечатать воззваніе надо было спѣшно, то Плеханову, не дождавшись пріѣзда Михайлова въ Ростовъ-на-Дону, пришлось самому выѣхать въ Петербургъ.

„Это было осенью,—вспоминаетъ самъ Г. В. Плехановъ [1]),—и всего нѣсколько дней спустя послѣ большого „провала“, погубившаго Ольгу Натансонъ, Адріана Михайлова и многихъ другихъ нашихъ надежныхъ и опытныхъ товарищей. Я ничего не зналъ объ этомъ несчастіи и самъ избѣжалъ ареста лишь благодаря простой случайности, помѣшавшей мнѣ пойти, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, на нашу бывшую конспиративную квартиру, гдѣ расположилась полицейская засада. Послѣдствія провала были такъ тяжелы для нашей организаціи, что приходилось на время отказаться отъ всякой мысли объ участіи ея членовъ въ агитаціи между

---

[1]) Предисловіе къ русскому перев. Туна, стр. XXX.

казаками: надо было прежде всего возстановить центръ, разрушенный опустошительнымъ полицейскимъ набѣгомъ. Я немедленно вызвалъ телеграммой Ал. Михайлова изъ Ростова, и когда онъ, нѣсколько дней спустя, вернулся въ Петербургъ, я въ первый разъ услыхалъ отъ него то мнѣніе, что намъ нельзя ставить себѣ задачу широкой агитаціи въ народѣ, такъ какъ наши силы для этого слишкомъ малы, а надо просто „наказывать“ правительство за его свирѣпыя преслѣдованія“.

Къ подобнымъ выводамъ приходили тогда многіе изъ землевольцевъ, которыхъ драконовскіе приговоры правительства и пассивное отношеніе широкихъ народныхъ слоевъ къ открытымъ выступленіямъ революціонеровъ заставляло отказаться отъ прежняго пути и толкало на путь самой отчаянной террористической борьбы.

Эти доводы не убѣдили, однако, Плеханова, и онъ попрежнему продолжалъ оставаться горячимъ приверженцемъ старой бунтарской тактики и противникомъ „политики“ и террора.

Ниже мы укажемъ, какую важную роль въ дальнѣйшей эволюціи его міросозерцанія сыграла его вѣрность народнической теоріи и тѣсно связанное съ этой послѣдней убѣжденіе въ необходимости для партіи всегда опираться на революціонную самодѣятельность народной массы. Что же касается отрицательнаго отношенія Плеханова къ террору, то у него, какъ и у всѣхъ остальныхъ землевольцевъ-деревенщиковъ, т. е. сторонниковъ прежней тактики, такое отношеніе вытекало непосредственно изъ убѣжденія, что терроръ отвлекаетъ симпатіи молодежи отъ агитаціи въ народѣ и направляетъ ихъ въ другую сторону; а это означало для нихъ крушеніе всѣхъ ихъ прежнихъ плановъ, расчитанныхъ на широкое народное возстаніе, немыслимое безъ организаціи народныхъ силъ, которая въ свою очередь предполагала безпрерывный и широкій притокъ въ народную среду революціонной интеллигенціи.

Оба направленія успѣли рѣзко обозначиться ко времени Воронежскаго съѣзда, въ которомъ приняли участіе всѣ видные члены „Земли и Воли“: Желябовъ, Ал. Михайловъ, В. Фигнеръ, Перовская, Плехановъ и др. На съѣздѣ большинство землевольцевъ, соглашаясь съ тѣмъ, что терроризмъ, возведенный въ систему, скоро положитъ конецъ агитаціонной дѣятельности партіи въ народѣ, считало все-таки нужнымъ „покончить съ Александромъ II“, такъ какъ послѣ неудачнаго покушенія Соловьева и его казни это стало будто бы необходимымъ „для чести партіи“. Эта непослѣдовательность землевольцевъ раздражала Плеханова: было ясно, что „покончить съ Александромъ II“ можно только путемъ террора, т. е. того именно шага, который они только что сами признали „несовмѣстимымъ со своими агитаціонными задачами“.

Самъ Плехановъ на съѣздѣ особенно страстно отстаивалъ старую программу, но для него стало уже яснымъ, что оба направленія слишкомъ далеко разошлись, чтобы можно было надѣяться на прочное соглашеніе.

Поэтому, хотя съѣздъ и закончился компромиссомъ— была оставлена старая программа, но было рѣшено, что борьба съ правительствомъ будетъ усилена и партія будетъ оказывать дѣятельную помощь политическимъ убійствамъ,—Плехановъ тотчасъ же послѣ съѣзда вышелъ изъ „Земли и Воли“, убѣдившись, что она не можетъ и не хочетъ отказаться отъ вновь усвоенныхъ пріемовъ борьбы.

Съ тяжелымъ чувствомъ уѣзжалъ Плехановъ изъ Воронежа увозя съ собой безотрадное убѣжденіе, что народничество, которое онъ считалъ единственно возможнымъ въ Россіи видомъ соціализма, погибаетъ „главнымъ образомъ благодаря нелогичности самихъ народниковъ.“

Онъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ въ занятой позиціи и безсильнымъ передъ роковымъ вопросомъ: что же теперь дѣлать?

Изъ Воронежа Плехановъ отправился въ Кіевъ и здѣсь узналъ, что въ Петербургъ пріѣхали изъ-за границы В. И. Засуличъ, Л. Дейчъ и Л. Стефановичъ, которыхъ на воронежсковъ съѣздѣ выдавали за рѣшительныхъ сторонниковъ „дезорганизаціи“ правительства, и что они, напротивъ, отстаиваютъ старый агитаціонный способъ дѣйствій.

Плехановъ поспѣшилъ въ Петербургъ и здѣсь убѣдился, что между нимъ и названными землевольцами существуетъ почти полное согласіе во всѣхъ вопросахъ революціонной теоріи и практики. Столковавшись между собой и ясно сознавая, что, оставаясь сторонниками прежней агитаціонной дѣятельности, они рано или поздно должны будутъ окончательно разойтись съ террористами, Плехановъ и его товарищи стали заранѣе готовиться къ самостоятельному выступленію въ видѣ отдѣльной фракціи и остановились на мысли издавать газету „Черный Передѣлъ“, которая вела бы пропаганду идей революціоннаго народничества.

Но надеждамъ черно-передѣльцевъ на возрожденіе прежнихъ общественныхъ настроеній не суждено было сбыться.

„Опытъ скоро показалъ намъ,—вспоминаетъ Г. В. Плехановъ [1]),—что идея „хожденія въ народъ“, еще такъ недавно и такъ сильно увлекшая нашихъ молодыхъ революціонеровъ, утратила всякую серьезную власть надъ ихъ сердцами. Очень значительная часть революціонной молодежи сознательно становилась на сторону террористовъ и раздѣляла ихъ мысль о томъ, что дѣятельность въ крестьянствѣ, при существующихъ у насъ политическихъ условіяхъ, заранѣе осуждена на полное безплодіе. И это, разумѣется, не могло не огорчать насъ, но наше главное горе заключалось совсѣмъ

---

[1]) „Искра“ № 54, „Почему и какъ мы разошлись, въ „Вѣст.“ Нар. Воли“.

не въ этомъ, а въ томъ, что даже та часть молодежи, которая горячо и искренно отстаивала дѣятельность въ народѣ, на практикѣ совершенно уклонялась отъ нея, умиляясь передъ вѣковѣчной прочностью экономическихъ „устоевъ“ деревенской жизни, вовсе не собирались покидать городъ“!

Къ тому же полицейскія условія, особенно ухудшившіяся послѣ первыхъ же террористическихъ актовъ, дѣйствительно тормозили работу. Попытка издавать „Черный Передѣлъ“ въ Россіи окончилась неудачей. Первый номеръ его, только что отпечатанный, былъ заарестованъ въ типографіи 28 января 1880 г., и изданіе пришлось перенести за-границу. Работавшій въ типографіи Жарковъ былъ арестованъ въ Москвѣ и, испугавшись угрозъ, выдалъ своихъ товарищей полиціи, которая дѣятельно принялась ихъ разыскивать. Вслѣдствіе этого Плеханову вмѣстѣ съ другими чернопередѣльцами пришлось въ началѣ 1880 г. покинуть Россію и перебраться въ Женеву.

Первые годы пребыванія за-границей были для Плеханова напряженнымъ періодомъ исканій. Споры съ народовольцами, вращавшіеся постоянно вокругъ вопроса о томъ, имѣетъ ли соціалистъ право заниматься политической борьбой или нѣтъ, уже раньше пробудили въ немъ кое-какія сомнѣнія въ непогрѣшимости народнической теоріи, и теперь, получивъ возможность, Плехановъ почувствовалъ настоятельную потребность „дать себѣ серьезный, основанный на обстоятельномъ знакомствѣ съ литературой предмета, отчетъ о томъ, что же, собственно, представляетъ собою современный соціализмъ и въ какой мѣрѣ и почему онъ исключаетъ „политику“ [1]).

Засѣвъ усердно за книги, онъ надѣялся въ нихъ найти оправданіе и защиту своему прежнему „символу

---

[1]) „Искра“, № 54.

вѣры", но книги готовили ему новое разочарованіе. Чѣмъ больше знакомился онъ съ теоріей научнаго соціализма, тѣмъ болѣе сомнительными и несостоятельными въ его глазахъ оказывались основныя положенія народничества, какъ со стороны теоріи, такъ и со стороны практики.

Однимъ изъ первыхъ должно было рухнуть заимствованное народниками у соціалистовъ-утопистовъ предубѣжденіе противъ политической борьбы, которую съ такимъ упорствомъ и энергіей вели тогда народовольцы. А вслѣдъ за нимъ должна была рухнуть и прежняя идеализація отсталой русской дѣйствительности, уступивъ мѣсто болѣе трезвому, болѣе научному ея изученію. Прежняя увѣренность въ близости соціалистической революціи мало-по-малу была вытѣснена мыслью о томъ, что Россіи не миновать фазы капиталистическаго развитія, и что поэтому главной силой революціоннаго движенія у насъ въ Россіи такъ же, какъ и на западѣ, будетъ не крестьянство, а промышленный пролетаріатъ.

Какъ быстро измѣнились взгляды Плеханова на эти вопросы подъ вліяніемъ знакомства съ западно-европейскимъ соціализмомъ, не трудно прослѣдить по его статьямъ, напечатаннымъ за это время въ газетѣ „Черный Передѣлъ". Самъ Плехановъ вспоминаетъ, что „ко времени выхода второго номера „Чернаго Передѣла" онъ былъ уже едва ли не на половину соціалъ-демократомъ".

Прежнее расхожденіе съ народовольцами при такихъ обстоятельствахъ теряло свою остроту, а вмѣстѣ съ этимъ теряло смыслъ и самостоятельное существованіе черно-передѣльцевъ, какъ отдѣльной группы. Поддерживать дробленіе революціонныхъ силъ, разъ такое дробленіе не оправдывалось принципіальнымъ расхожденіемъ, Г. В. Плехановъ никогда не сталъ бы ни прежде, ни теперь, ни впослѣдствіи. Для этого онъ былъ слишкомъ чутокъ къ успѣхамъ революціоннаго дѣла, слишкомъ преданъ интересамъ народнаго освобожденія.

Увлекаясь и прежде, когда на-лицо были принципіальныя расхожденія, героической борьбой „Народной Воли“ и принимая близко къ сердцу всѣ ея пораженія, тѣмъ съ большей готовностью поспѣшилъ онъ протянуть свою руку помощи бывшимъ товарищамъ по борьбѣ, когда эти разногласія временно сгладились. Уже въ 1880 г. онъ вмѣстѣ съ народовольцами принимаетъ участіе въ изданіи „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки“, причемъ самое объявленіе объ издательствѣ, формулирующее его задачи, принадлежитъ его перу. Для этого же издательства имъ былъ приготовленъ переводъ „Коммунистическаго манифеста“.

Съ своей стороны „Исполнительный Комитетъ“ Народной Воли, зная цѣну Г. В., какъ теоретика, поспѣшилъ привлечь его къ болѣе постоянному сотрудничеству, поручивъ П. Л. Лаврову и С. М. Кравчинскому пригласить его въ качествѣ третьяго редактора, тогда еще только что подготовлявшагося къ изданію научно-революціоннаго журнала, которому впослѣдствіи было дано названіе „Вѣстника Народной Воли“. Плехановъ принялъ приглашеніе и сталъ, такимъ образомъ, однимъ изъ редакторомъ народовольческаго журнала. Но начавшемуся объединенію не суждено было состояться по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Замѣнившій Кравчинскаго Л. Тихомировъ, хотя и расходился съ Плехановымъ и его товарищами по многимъ вопросамъ, но благодаря ли особаго рода „дипломатіи“, или просто вслѣдствіе беззаботности по части теорій, оказался настолько уступчивымъ, что соглашался въ будущемъ объявить свой журналъ сторонникомъ соціалъ-демократіи; онъ только совѣтовалъ пока повременить съ этимъ, такъ какъ-де русскіе революціонеры крайне предубѣждены противъ нея.

Было поэтому рѣшено, что „Вѣстникъ Народной Воли“ займется сначала подготовкой русскаго читателя къ усвоенію соціалъ-демократическихъ идей, чтобы впо-

слѣдствіи, когда это будетъ сдѣлано, выступить съ соціалъ-демократической программой.

Для первой же книжки журнала Плехановъ приготовилъ замѣтку о книгѣ Аристова „А. П. Щаповъ“, написанную согласно упомянутому выше плану, и статью „Соціализмъ и политическая борьба“, въ которой онъ шелъ уже нѣсколько дальше и подвергалъ довольно рѣзкой критикѣ программу партіи „Народной Воли“. Тихомировъ, хотя и морщился, но соглашался на помѣщеніе въ первой же книжкѣ „Вѣстника Народной Воли“ и статьи и рецензіи.

Одновременно съ этимъ близились къ концу и переговоры о вступленіи въ партію Народной Воли всей группы бывшихъ чернопередѣльцевъ. Всему этому помѣшалъ пріѣздъ за границу Дегаева, который тогда уже былъ въ сношеніяхъ съ Судейкинымъ и явился за границу, повидимому, не безъ участія послѣдняго, чтобы предупредить Тихомирова, что „молодые товарищи въ Россіи“ очень недовольны его сближеніемъ съ бывшими чернопередѣльцами, такъ какъ опасаются, что, благодаря этому сближенію, въ движеніи возьметъ верхъ нежелательное для нихъ направленіе.

Этого было достаточно, чтобы Тихомировъ круто измѣнилъ свою политику; онъ сталъ рѣшительно высказываться противъ соціалъ-демократіи, ударился въ новую крайность, воскресивъ теорію блаженной памяти Ткачева о захватѣ власти, и Плеханову пришлось выйти изъ редакціи „Вѣстника Народной Воли“.

Въ томъ же году онъ и его товарищи: Аксельродъ, Засуличъ, Дейчъ и Игнатовъ—выступили, какъ группа „Освобожденіе труда“. Статья Плеханова „Соціализмъ и политическая борьба“ появилась отдѣльной брошюрой, рецензія же о книгѣ Аристова осталась въ „Вѣстникѣ Народной Воли“, какъ бы на память о той порѣ, когда вмѣстѣ съ Тихомировымъ онъ собирался подготовлять русскаго читателя къ пониманію задачъ соціалъ-демократіи.

Тяжела и отвѣтственна была задача, которую предстояло разрѣшить новой „группѣ“. Въ то время, какъ на Западѣ научный соціализмъ былъ лишь строго обоснованнымъ выводомъ изъ развившихся уже классовыхъ противорѣчій, а новое соціалистическое движеніе являлось лишь развитіемъ непосредственной борьбы рабочаго класса противъ экономическаго и политическаго гнета, у насъ въ Россіи, въ моментъ появленія первой соціалъ-демократической группы, промышленный пролетаріатъ существовалъ лишь, такъ сказать, въ зародышѣ, и процессъ выдѣленія его изъ общей народной массы въ особый классъ только-что начался; классовое самосознаніе поэтому совершенно отсутствовало—въ революціонномъ смыслѣ онъ еще спалъ глубокимъ сномъ. Даже для того, чтобы подойти къ нему и, подойдя, пробудить къ сознательной исторической жизни, необходимо было раньше завоевать умы и сердца того общественнаго слоя, который въ этотъ моментъ былъ наиболѣе революціоннымъ. А такимъ элементомъ, если не считать отдѣльныхъ единицъ въ рабочей средѣ, была тогда исключительно интеллигенція. Но доступъ къ ея умамъ былъ затрудненъ цѣлой зарослью народническихъ предразсудковъ: она продолжала идеализировать отсталую русскую дѣйствительность, видѣла именно въ ней залогъ свѣтлаго будущаго и попрежнему еще вѣрила, что путь къ соціализму лежитъ черезъ самобытные устои русской деревенской жизни.

Тихомировъ былъ правъ, когда говорилъ Плеханову, что „русскіе революціонеры крайне предубѣждены противъ соціалъ-демократіи“, и самъ Плехановъ лучше, чѣмъ кто другой, понималъ справедливость этого.

Новой группѣ предстояла поэтому долгая и упорная борьба съ укоренившимися въ умахъ революціонеровъ предразсудками; главная тяжесть ея выпала на долю Плеханова, ему поэтому должна по праву принадлежать и главная заслуга въ томъ, что русская рево-

люціонная мысль послѣ долгихъ шатаній выбилась на настоящую дорогу и связала свою судьбу съ судьбой единственнаго истинно-революціоннаго класса, которому принадлежитъ будущее пролетаріата.

Начиная съ первыхъ же своихъ соціалъ-демократическихъ произведеній, Плехановъ не уставалъ повторять, обращаясь къ тогдашней революціонной интеллигенціи, что только въ пролетаріатѣ залогъ для полнаго торжества воодушевляющихъ ее идеаловъ и стремленій, что „соціальная революція XIX вѣка можетъ черпать свою поэзію не въ прошломъ, а только въ будущемъ". Онъ предостерегалъ русскихъ соціалистовъ отъ двухъ одинаково печальныхъ крайностей: отрицанія политической борьбы съ одной стороны и забвенія будущихъ задачъ партіи—съ другой.

Взявъ эпиграфомъ для своего перваго сочиненія [1]) слова Маркса: „всякая классовая борьба есть борьба политическая", онъ этимъ указывалъ бывшимъ народникамъ, что, занимаясь политикой, они вовсе еще не измѣняютъ интересамъ трудящихся, а народовольцамъ ставилъ на видъ, что „ихъ политическая борьба будетъ плодотворной и побѣдоносной только въ томъ случаѣ, если она станетъ классовой борьбой". Первымъ онъ указывалъ, что, отказываясь отъ активной борьбы съ современнымъ русскимъ абсолютизмомъ, они тѣмъ самымъ косвеннымъ образомъ его поддерживаютъ; вторымъ онъ говорилъ, что „успѣхъ борьбы каждаго класса вообще, а рабочаго въ особенности, зависитъ отъ объединенія этого класса и яснаго сознанія имъ своихъ экономическихъ интересовъ", что они должны поэтому теперь же приложить всѣ усилія, чтобы паденіе абсолютизма не застало русскій рабочій классъ „въ неразвитомъ состояніи, индифферентнымъ къ общественнымъ вопросамъ или не имѣющимъ понятія о правильномъ рѣшеніи этихъ

---

[1]) „Соціализмъ и политическая борьба".

вопросовъ въ своихъ интересахъ", такъ какъ иначе ихъ борьба съ абсолютизмомъ не гарантируетъ имъ возможнаго вліянія въ будущемъ.

Позднѣе группу „Освобожденіе труда" и Плеханова въ особенности упрекали въ томъ, что они „тратили значительно больше силъ и средствъ на борьбу съ теоретическими и философскими заблужденіями народнической интеллигенціи, чѣмъ на чисто-рабочую литературу"; все сказанное выше показываетъ, что подобный упрекъ основанъ на совершенномъ незнакомствѣ или непониманіи условій возникновенія и первоначальнаго развитія русской соціалъ-демократіи.

Созданіе рабочей литературы группа „Освобожденіе труда" никогда не упускала изъ вида, но выполненіе этой задачи поневолѣ пришлось отложить, когда въ 1884 году былъ арестованъ Л. Г. Дейчъ, которому пришлось 16-тилѣтнимъ пребываніемъ въ Сибири заплатить за попытку доставить въ Россію первыя изданія „группы". Всѣ сношенія „группы" съ Россіей велись черезъ него, поэтому арестъ его очень сильно отразился на ея дѣятельности. Временно пришлось отказаться отъ выполненія даже уже задуманныхъ работъ изъ области рабочей литературы, такъ какъ для этого было необходимо постоянное и живое общеніе съ рабочей массой. Съ тѣмъ большей энергіей взялась „группа" за осуществленіе другой поставленной ею задачи: созданіе кадровъ соціалъ-демократической революціонной интеллигенціи, которая понесла бы идеи соціалъ-демократіи въ рабочую среду.

Результаты этой дѣятельности не замедлили сказаться: уже въ 1885 г. въ Петербургѣ образовалась первая соціалъ-демократическая группа, которая дѣятельно вела пропаганду въ рабочей средѣ и начала издавать газету „Рабочій". Г. В. Плехановъ принялъ участіе въ этомъ изданіи, помѣстивъ во второмъ номерѣ этой газеты статью подъ заглавіемъ „Современныя задачи русскихъ рабочихъ".

Но одновременно съ этой дѣятельностью Плехановъ не упускалъ случая выступать и въ легальной печати, отстаивая и пропагандируя исповѣдуемыя имъ убѣжденія. Несмотря на всю строгость цензуры, онъ умѣлъ всегда касаться „сути“ дѣла и, какъ бы издалека ни подходилъ къ вопросу, всегда сводилъ рѣчь на насущныя задачи движенія, а если и не договаривалъ, то, конечно, не по своей винѣ, а по винѣ цензуры. Читатель же умѣлъ читать и между строкъ, и, подъ какимъ бы псевдонимомъ Плехановъ ни скрывалъ своей статьи, подлинное имя ея автора не оставалось долго тайной для читателя; его своеобразная манера излагать мысли, боевой тонъ каждой выливавшейся изъ-подъ его пера строчки, страстность и полемическій задоръ, гдѣ дѣло касалось дорогихъ ему убѣжденій, наконецъ, печать несомнѣнно крупнаго таланта—все это выдавало его головой читателю.

А скрывать свое имя ему приходилось очень тщательно, чтобы избѣжать ревниваго къ его перу цензорскаго ока. Легальная литературная дѣятельность Плеханова началась на страницахъ журнала „Отечественныя Записки“, гдѣ въ 1881 г. въ ноябрьской книжкѣ появилась его первая статья „Новое направленіе въ области политической экономіи“, въ 1883 г. тамъ же была помѣщена „Экономическая теорія Карла Родбертуса-Ягецова“. Упомянемъ также о его статьяхъ: „О роли личности въ исторіи“, „Объ искусствѣ“, „Судьбы русской критики“—всѣ онѣ выдѣляются изъ общаго унылаго тона тогдашней журналистики своимъ боевымъ настроеніемъ и живой вѣрой въ грядущее торжество исповѣдуемыхъ идеаловъ. Въ то время, какъ уцѣлѣвшіе народники должны были уныло глядѣть вокругъ себя, такъ какъ жизнь, разбивъ ихъ надежды, продолжала итти своей дорогой, вопреки ихъ теоріямъ и заклинаніямъ, Г. В. Плехановъ именно въ этой дальнѣйшей эволюціи Россіи видѣлъ залогъ свѣтлаго будущаго, онъ спѣшилъ

указать своимъ литературнымъ противникамъ ихъ ошибки, вскрытыя самой жизнью, и звалъ новыхъ борцовъ итти въ ряды нарождавшагося пролетаріата, сбросивъ старую революціонную ветошь народничества и вооружившись научной теоріей революціоннаго марксизма. Кромѣ названныхъ статей перу Плеханова принадлежатъ и слѣдующія въ высшей степени цѣнныя книги: Бельтовъ „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ и Волгинъ „Обоснованіе народничества въ трудахъ В. В.“. Правительство инстинктивно сознавало всю опасность подобной, даже обезцвѣченной легальностью, пропаганды и безпощадно поспѣшило наложить руку на только что вышедшую его книгу „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“.

Эта книга потомъ при обыскахъ отбиралась наравнѣ съ нелегальщиной.

Здѣсь кстати прибавить, что преслѣдованія со стороны правительства не ограничились этимъ: по его настоянію Плехановъ вмѣстѣ съ В. И. Засуличъ въ 1889 г. былъ высланъ изъ Швейцаріи, а въ 1895 г. французская республика, желая угодить русскому правительству, въ свою очередь, выслала его изъ своихъ предѣловъ, какъ „опаснаго“ анархиста (?).

Такая внимательность со стороны русскаго правительства къ членамъ группы „Освобожденіе труда“ объясняется, повидимому, тѣмъ, что уже въ 1889 г., а тѣмъ болѣе въ 1895 г. должны были обнаружиться результаты предшествующей соціалъ-демократической пропаганды. Къ этому времени въ болѣе крупныхъ промышленныхъ центрахъ успѣли уже образоваться первыя организаціонныя ячейки послѣдователей новаго революціоннаго міровоззрѣнія, дѣятельно велась пропаганда соціалъ-демократическихъ идей въ рабочей средѣ, и самъ рабочій классъ мало-по-малу начиналъ выходить изъ своего аморфнаго состоянія, складываясь въ грозную силу будущаго, и былъ, какъ оказалось по-

томъ, уже наканунѣ своего перваго массового выступленія.

Для обслуживанія задачъ начавшагося рабочаго движенія группа „Освобожденіе труда“ предприняла изданіе сперва сборника, а потомъ журнала „Соціалъ-демократъ“.

На страницахъ „Соціалъ-демократа“ былъ помѣщенъ рядъ блестящихъ статей по общимъ вопросамъ научнаго соціализма, обзоры рабочаго движенія за-границей, оцѣнка всѣхъ крупныхъ фактовъ изъ русской жизни и др. Большинство изъ этихъ статей, наряду со статьями изъ „Зари“, не утратило своей цѣны и до сихъ поръ и можетъ служить и понынѣ прекрасной школой для выработки сознательныхъ и послѣдовательныхъ борцовъ за рабочее дѣло.

Не имѣя возможности останавливаться на многочисленныхъ статьяхъ, принадлежащихъ Г. В. Плеханову, мы упомянемъ здѣсь лишь о его статьяхъ о Чернышевскомъ и о воспоминаніяхъ о рабочемъ движеніи, которыми онъ спѣшилъ подѣлиться съ русскими соціалъ-демократами, чтобы имъ не пришлось на себѣ повторять уже пережитыхъ ошибокъ.

Въ 1889 г. группа „Освобожденіе труда“ послала Г. В. Плеханова делегатомъ на парижскій интернаціональный конгрессъ, составившій эпоху въ исторіи европейскаго пролетаріата. Познакомивъ конгрессъ съ дѣятельностью русской соціалъ-демократіи и съ зарождающимся русскимъ рабочимъ движеніемъ, Г. В. Плехановъ въ ясной и категорической формѣ слѣдующимъ образомъ обосновывалъ задачи соціалистовъ въ Россіи: „они должны усвоить взгляды современнаго научнаго соціализма, распространить ихъ въ рабочей средѣ и, съ помощью рабочихъ, приступомъ взять твердыню самодержавія. Революціонное движеніе въ Россіи можетъ восторжествовать только какъ революціонное движеніе рабочихъ. Другого выхода у насъ нѣтъ и быть не можетъ“.

Такъ поразительно точно предсказать въ то время будущую судьбу Россіи и побѣду революціоннаго движенія, какъ движенія пролетаріата, Г. В. Плехановъ могъ, опираясь только на строго научные выводы усвоеннаго имъ міровоззрѣнія; мы уже раньше указывали, какъ это міровоззрѣніе помогало ему разбираться во всей путаницѣ экономическихъ отношеній, какъ оно, какъ надежный маякъ, привело его сквозь весь лабиринтъ анархическаго утопизма и народническихъ предразсудковъ къ яснымъ и опредѣленнымъ выводамъ, справедливость которыхъ подтверждалась каждымъ шагомъ послѣдующаго экономическаго развитія Россіи.

Какъ же цѣнно должно быть для борющагося рабочаго класса это міровоззрѣніе, которое позволяетъ ему на долгіе годы впередъ угадывать судьбы движенія, избѣгать возможныхъ ошибокъ и неуклонно идти къ конечной цѣли.

Россійскій пролетаріатъ никогда не забудетъ, что первымъ истолкователемъ идей научнаго соціализма, сумѣвшимъ теоретически примѣнить эти идеи къ русской жизни и все время чутко стоявшимъ на стражѣ чистоты принциповъ этого ученія, былъ Г. В. Плехановъ.

Дальнѣйшая дѣятельность Плеханова складывалась слѣдующимъ образомъ. Голодъ 1891 г., глубоко встряхнувшій все русское общество, открылъ новые горизонты и для русской революціонной интеллигенціи, дѣятельность ея съ этого момента начинаетъ возрастать, и она все въ большемъ числѣ начинаетъ притекать подъ знамя соціалъ-демократіи. Какъ только обозначились первые признаки возрожденія общественныхъ настроеній, Плехановъ поспѣшилъ отозваться на него своей брошюрой: „Задачи соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“, въ которой пропагандировалъ идею широкой агитаціи за созывъ земскаго собора.

Въ 1895 г. онъ входитъ въ составъ образовавшагося заграницей, по иниціативѣ группы „Освобожденіе

труда“, „Союза“ русскихъ соціалъ-демократовъ и сотрудничаетъ въ издававшемся тогда журналѣ „Работникъ“. Въ 1898 г., когда въ „Союзѣ“ начало господствовать такъ называемое „экономическое теченіе“, стремившееся сузить пониманіе очередныхъ задачъ партіи, онъ, вмѣстѣ съ остальными товарищами по группѣ „Освоб. труда“, выходитъ изъ состава „Союза“ и входитъ сперва во вновь образовавшуюся „Революціонную организацію соціалъ-демократовъ“, а потомъ въ группу „Искра“ и „Заря“.

Предпринятый ими походъ противъ экономизма скоро окончился побѣдой революціоннаго крыла партіи; дѣйствительность и на этотъ разъ поспѣшила подтвердить справедливость ихъ критики и вѣрность высказываемыхъ ими взглядовъ. Плехановъ выступилъ противъ новой разновидности шатаній революціонной мысли однимъ изъ первыхъ, опубликовавъ „Vademecum“ для редакціи „Рабочаго дѣла“.

Но онъ же первый выступилъ и противъ тенденціи превратить борьбу съ экономизмомъ въ борьбу съ экономистами, тенденціи, обнаружившейся въ рядахъ партіи нѣсколько позже, когда экономизмъ былъ уже изжитъ, позиціи его были покинуты бойцами, и само понятіе, лишившись реальнаго содержанія, превратилось въ жупелъ, которымъ съ успѣхомъ продолжали жонглировать. Плехановъ первый заявилъ, что „въ активѣ „экономистовъ“-практиковъ выступаетъ, какъ цифра чрезвычайно внушительная для соціалиста, ихъ стремленіе превратить соціализмъ изъ дѣла кружковъ въ дѣло цѣлаго класса. Эта внушительная цифра покрываетъ значительную часть ихъ долга“... и что поэтому „ихъ мы не имѣемъ права называть не только врагами, но даже противниками: они наши товарищи, хотя бы они и отличались отъ насъ нѣкоторыми оттѣнками мысли“ [1]).

[1]) „Искра“ № 53.

Въ 1903 году въ рядахъ партіи возникли новыя разногласія, на этотъ разъ по организаціонному вопросу. Ростъ партіи настоятельно требовалъ выработки такихъ общихъ организаціонныхъ нормъ, которыя бы, не тормозя ея дальнѣйшаго развитія, внесли бы въ ея дѣятельность необходимую планомѣрность. Между тѣмъ радикальное разрѣшеніе этого вопроса затруднялось многими обстоятельствами. Особенно трудно было разобраться въ этомъ вопросѣ людямъ, которые, подобно Г. В., были долгое время оторваны отъ русской жизни и должны были основывать свои сужденія не на собственномъ опытѣ, а лишь на отзывахъ участниковъ. Вполнѣ понятны поэтому колебанія, которыя возникли по этому вопросу у Плеханова. Примкнувъ вначалѣ къ сторонникамъ прямолинейнаго проведенія въ практику партійной жизни идеи централизма, онъ довольно скоро созналъ допущенную ошибку и смѣло выступилъ противъ такой „прямолинейности“, указывая, что соціалъ-демократамъ не къ лицу быть „утопистами“ централизма“.

Исторія борьбы человѣчества за свѣтлое будущее выдвигаетъ два типа борцовъ. Жизнь однихъ тѣсно связана съ героической борьбой народной массы: принимая непосредственное участіе въ этой борьбѣ, эти люди, зачастую одаренные талантами, сильные волей, съ несокрушимой энергіей и беззавѣтной вѣрой въ правоту своего дѣла, идутъ въ первыхъ рядахъ революціонной арміи, зажигая своимъ энтузіазмомъ другихъ. Весь героизмъ борьбы народной массы концентрируется вокругъ ихъ личности, и въ памяти потомковъ они продолжаютъ жить, какъ герои.

На долю другихъ выпадаетъ не менѣе благодарная, но болѣе отвѣтственная задача быть идейными вождями борющагося пролетаріата. Въ ихъ дѣятельности, въ правильномъ разрѣшеніи ими очередныхъ задачъ движенія— залогъ успѣха борьбы и побѣдоноснаго ея окончанія. Но дѣятельность такого рода не многимъ подъ силу:

для нея требуются недюжинный талантъ, серьезное научное образованіе и всестороннее знакомство съ общественной жизнью страны, ея экономическимъ строеніемъ, политическими движеніями и т. п.

Г. В. Плехановъ по своей общественной дѣятельности долженъ быть отнесенъ ко второму типу борцовъ. Обладая огромнымъ талантомъ, во всеоружіи знанія выступилъ онъ слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ первымъ глашатаемъ идей научнаго соціализма и продолжаетъ стоять и понынѣ подъ этимъ знаменемъ, оставаясь такимъ же цѣльнымъ, такимъ же чуткимъ къ чистотѣ принциповъ и проницательнымъ къ очереднымъ задачамъ движенія, какимъ былъ съ самаго начала своей соціалъ-демократической дѣятельности. Значеніе его дѣятельности на развитіе революціоннаго рабочаго движенія въ Россіи огромно, но его вліяніе не ограничилось Россіей, оно коснулось и другихъ западно-европейскихъ странъ, и ему по праву принадлежитъ честь быть однимъ изъ выдающихся теоретиковъ международной соціалъ-демократіи.

Намъ остается теперь указать, какимъ путемъ пришелъ Г. В. Плехановъ къ соціалъ-демократіи. Было ли это только случайное счастливое стеченіе обстоятельствъ, или же русскій марксизмъ явился такимъ же неибѣжнымъ логическимъ выводомъ, какимъ былъ съ самаго начала западно-европейскій соціализмъ? Общіе философско-историческіе взгляды Маркса обнимаютъ собой не только исторію Западной Европы, но одинаково приложимы какъ къ существующимъ, такъ и къ исчезнувшимъ цивилизаціямъ Востока. Въ отношеніи Россіи они были бы непримѣнимы только въ случаѣ ихъ общей несостоятельности. И разъ Россія вступила на путь капиталистическаго развитія, соціализмъ рано или поздно долженъ былъ возникнуть, какъ необходимый продуктъ

классовой борьбы пролетаріата. Плеханову же мы обязаны тѣмъ, что онъ примѣнилъ къ Россіи основныя положенія марксизма уже въ то время, когда объективныя предпосылки соціалистической борьбы только еще намѣчались.

Съ ученіемъ Маркса Плехановъ былъ знакомъ, еще будучи народникомъ. Уже въ своей статьѣ: „Законъ экономическаго развитія общества и задачи соціализма въ Россіи“, напечатанной въ № 3 „Земля и Воля“, онъ исходитъ изъ убѣжденія, что ключъ къ пониманію задачъ практической дѣятельности соціалистовъ надо искать въ исторической теоріи Маркса; но это былъ далеко не чистый марксизмъ, а сильно пропитанный букетомъ бакунинскаго анархизма, всецѣло царившаго въ то время въ головахъ народниковъ. Признавая экономическія отношенія основаніемъ для политической структуры общества, онъ вмѣстѣ съ другими народниками приходилъ къ убѣжденію въ цѣлесообразности лишь экономической революціи, считая политическую борьбу „измѣной дѣлу рабочаго класса“. Но у народниковъ, при всѣхъ ихъ теоретическихъ ошибкахъ, было и здоровое ядро, выгодно отличавшее ихъ впослѣдствіи отъ народовольцевъ—это стремленіе возбуждать революціонную самодѣятельность народной массы, основанное на убѣжденіи, что „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. Г. В. Плехановъ энергично отстаивалъ правильность этого убѣжденія въ своихъ спорахъ съ народовольцами, и оно было тѣмъ мостомъ, по которому онъ впослѣдствіи пришелъ къ идеѣ классовой борьбы пролетаріата.

Когда революціонное движеніе въ Россіи стало, подъ вліяніемъ реакціи, замирать, въ то время, какъ международное движеніе пролетаріата повсюду возрастало,—этотъ контрастъ долженъ былъ бить въ глаза и заставлять серьезно задуматься надъ причиной этого явленія. Прежнее же знакомство Плеханова съ зачатками рабочаго движенія въ Россіи и тотъ фактъ, что городскіе

рабочіе всегда оказывались воспріимчивыми къ идеямъ соціализма, также должны были сыграть при этомъ свою роль, подчеркивая лишній разъ справедливость новаго ученія.

Результатомъ этого для Плеханова была переоцѣнка всѣхъ прежнихъ цѣнностей и усвоеніе имъ основныхъ положеній научнаго соціализма. Когда вслѣдъ за тѣмъ, вооружившись революціонной теоріей, онъ подвергнулъ новому изслѣдованію всю прежнюю исторію Россіи и ея экономическую структуру, то отъ прежнихъ народническихъ фетишей не осталось и слѣда. Всѣ утопическіе элементы народничества и идеализація отсталой русской дѣйствительности исчезли, какъ дымъ, уступивъ мѣсто строго научнымъ выводамъ.

Такимъ образомъ, русскій марксизмъ явился логическимъ результатомъ изученія классовой борьбы пролетаріата и строгаго научнаго анализа всѣхъ условій русской жизни.

И это сознаніе научности положенной въ основу движенія теоріи, сознаніе правильности избраннаго пути, подтверждаемое каждымъ послѣдующимъ шагомъ общественнаго развитія, родило въ рядахъ борцовъ за „освобожденіе труда“, и прежде всего у Г. В. Плеханова, непоколебимую вѣру въ окончательное торжество исповѣдующихъ принциповъ; этой увѣренностью и бодростью дышитъ каждая строчка сочиненій Плеханова, каждая его фраза. Долгіе годы борьбы не убили въ немъ энергіи, не поколебали вѣры, но еще болѣе укрѣпили ее.

До самаго послѣдняго времени большинство его сочиненій были недоступны широкому кругу читателей: одни успѣли разойтись въ одномъ изданіи, а новыхъ изданій правительство не допускало, другіе же, и такихъ его произведеній большинство, продолжали оставаться нелегальными. И только въ послѣдніе дни, рухнувшія цензурныя рогатки сдѣлали возможнымъ появленіе на свѣтъ въ Россіи его произведеній: вышелъ сборникъ

„За двадцать лѣтъ“, появился № 3 и 4 издаваемаго имъ „Дневника соціалъ-демократа“ и, наконецъ, готовится къ выходу въ свѣтъ полное собраніе его сочиненій. Давно пора! Русскій читатель и въ особенности читатель-пролетарій своей борьбой завоевалъ себѣ право открыто слышать боевыя рѣчи своего вождя.

Мы закончимъ этотъ очеркъ отрывкомъ изъ рѣчи Г. В. Плеханова, произнесенной имъ при открытіи II съѣзда партіи, отрывкомъ, наиболѣе выпукло характеризующимъ его душевныя настроенія и его неугасаемую энергію.

„Товарищи! Организаціонный комитетъ поручилъ мнѣ открыть второй очередной съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. Я объясняю себѣ эту великую честь только тѣмъ, что въ моемъ лицѣ организаціонный комитетъ хотѣлъ выразить свое товарищеское сочувствіе той группѣ ветерановъ русской соціалъ-демократіи, которая двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1883 г., впервые начала пропаганду соціалъ-демократическихъ идей въ русской революціонной литературѣ. За это товарищеское сочувствіе я отъ лица всѣхъ этихъ ветерановъ приношу организаціонному комитету искреннюю товарищескую благодарность. Мнѣ хочется вѣрить, что по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ насъ суждено еще долгое время сражаться подъ краснымъ знаменемъ, рука объ руку съ новыми, молодыми, все болѣе и болѣе многочисленными борцами. Положеніе дѣлъ настолько благопріятно теперь для нашей партіи, что каждый изъ насъ, россійскихъ соціалъ-демократовъ, можетъ воскликнуть и, можетъ быть, не разъ уже восклицалъ словами рыцаря гуманиста: „весело жить въ такое время!“ Ну, а когда весело жить, тогда и охоты нѣтъ переходить, по выраженію Герцена, въ минерально-химическое царство. Тогда хочется жить, чтобы продолжать борьбу; въ этомъ и заключается весь смыслъ нашей жизни...“

Тип. Птгр. Печ. Произв. І. Р. Бѣлопольскаго и Ко. Лиговская, 37.

3 0112 098696021

Цѣна [illegible] жел. дор.—[illegible]

Книгоиздательство І. Р. Бѣлопольскаго

Невскій, 110, кв. 10

Телеф. 131-76.

СЕРІЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

№ 1—3. **П. Переваловъ**—Народъ и армія въ борьбѣ за свободу. Ц. 45 к.

№ 4—5. **А. Ельницкій.**—Г. В. Плехановъ (Біографическій очеркъ). Ц. 30 к.

№ 6—8. Его-же. Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи.

Вып. I: Борьба крѣпостныхъ рабочихъ. — Развитіе капитализма. — Кризисъ 70-хъ годовъ. Ц. 45 к.

№ 9—11. Вып. II: Южно-русскій рабочій союзъ.—Сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ.—Степанъ Халтуринъ. Ц. 45 к.

СЕРІЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ.

№ 1—2. **Ю. Волинъ.**—Рождество свободы.
А. д'Актиль.—26-ое Февраля.
Цѣна 30 к.

№ 3—5. **П. Переваловъ.**—Бои за свободу (на улицахъ Петрограда). Цѣна 45 к.

№ 6—7. **Як. Окуневъ.**—Въ огнѣ возстанія. Цѣна 30 к.

№ 8. **Д. Айзманъ.**—Евреи. Ц. 15 коп.

№ 9—10. **Ефимъ Зозуля.**—Пять дней.
В. Горянскій.—26 Февраля. Ц. 30 к.

№ 11—12. **Ю. Волинъ.**—Разсказы о великихъ дняхъ. Цѣна 30 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

1) **Книгоиздательство І. Р. Бѣлопольскаго**
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 110.

2) **Книжн. складъ Союза Потребит. О-въ**
МОСКВА, Переведеновка, соб. домъ.

Типографія т-ва Птгр. печатнаго произв. І. Р. Бѣлопольскаго и Ко, Лиговская, 8